

Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ.

(Памяти В. С. Курочкина).

Въ прошломъ году скончался одинъ изъ видныхъ, и что всего важнѣе, изъ честныхъ людей нашей эпохи — Василій Степановичъ Курочкинъ. Съ этимъ именемъ у меня соединены самыя дорогія воспоминанія моея юности. Я-бы ихъ берегъ про себя, если-бы они имѣли исключительно личный, относящійся только до меня интересъ; но они, какъ мнѣ кажется, могутъ дать содержаніе нѣсколькимъ строкамъ какъ для будущей біографіи Василя Степановича, такъ еще болѣе — для будущей исторіи шестидесятыхъ годовъ.

Попавши въ 1858 году изъ замкнутаго, одушевлявшагося преимущественно «возліаніями», кружка казанскихъ студентовъ въ міръ студентовъ петербургскаго университета, я попалъ съ одного полюса на другой. Тамъ (я говорю только объ однихъ дурныхъ сторонахъ) — принципы «товарищества», построенные на принципѣ кутежа; здѣсь — литературно-общественная и даже «политическая» дѣятельность, съ непремѣннымъ стремленіемъ во что-бы то ни стало попасть «на замѣчаніе».. Что лучше — рѣшать не буду; но во всякомъ случаѣ ни то, ни другое, съ точки зрѣнія полезности «перебѣситься», не вредно въ воспитательномъ отношеніи, если только «кутежи» и «политика» не завлекутъ слишкомъ далеко, до полной бесполезности челоуѣка въ будущемъ, а только поставятъ его со временемъ въ возможность поучительно воспользоваться эпохой своего бѣснованія.

«Литературно-политически-общественное» движеніе петербургскаго студенчества конца пятидесятихъ годовъ задѣло меня всего сильнѣе одной своей стороною—литературной, не оставившей меня и на берегахъ Казанки и Булака, но выражавшейся тамъ, главнымъ образомъ, въ стихотворныхъ пѣсенкахъ элегическаго содержанія и стишкахъ, куплетцахъ и анекдотическихъ сценкахъ изъ студенческаго міра, дальше рукописныхъ тетрадокъ и товарищескаго кружка не заходившихъ... На берегахъ Невы зародилось во мнѣ непреодолимое желаніе «печататься».

«Искра» въ то время только-что появилась и сразу приобрѣла блестящее положеніе. Я спалъ и видѣлъ, какъ-бы познакомиться съ Василіемъ Степановичемъ и попасть въ число его сотрудниковъ; послѣднее во мнѣ таилось въ глубинѣ души, въ формѣ самаго неопредѣленнаго и несбыточнаго мечтанія. Увидать Василя Степановича, — но еще не познакомиться съ нимъ — помогъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей С., — теперь очень почтенный *pater familias*, тогда юркій «дѣятель», тершійся во всѣхъ мало-мальски либеральныхъ кружкахъ Петербурга, всѣми силами души жаждавшій попасть «на замѣчаніе», и кажется дѣйствительно поавшій, за рѣчь, сказанную имъ на похоронахъ художника Иванова, кончина котораго облеклась тогда въ «политическое» событіе, по общей страсти къ нимъ, также какъ нѣсколько позднѣйшая кончина пѣвицы Бозію. Съ помощью С. попалъ я зимой 1858—1859 годовъ на обѣдъ въ Знаменской гостинницѣ, только-что въ то время отстроенной. Не помню, по чьей инициативѣ устроился этотъ обѣдъ; помню только, что говорилось что-то о сближеніи литераторовъ съ молодежью. То было время всеобщаго сближенія, искренняго, молодаго, которымъ увлекались и далеко не молодые люди сороковыхъ годовъ... Не то сближеніе, которое практиковалось позднѣе, въ 1865 году, напр. въ Нижнемъ Новгородѣ, когда бывшій предсѣдатель ярмарочнаго биржеваго комитета А. П. Шиповъ, воспользовавшись пріѣздомъ на ярмарку нѣсколькихъ петербургскихъ литераторовъ, устроилъ торжественный обѣдъ съ цѣлью сближенія литературы съ почтеннымъ ярмарочнымъ купечествомъ, и когда извѣстный г. Илія Арсеньевъ безъ околичностей обругалъ, въ своей застольной рѣчи, именитыхъ представителей купечества «по Гоголю» — аршинниками и хриstopродавцами.

На обѣдѣ въ Знаменской гостинницѣ рѣчей не было. Были простые разговоры людей, большею частью вовсе незнакомыхъ до того другъ съ другомъ, но кажется искренно вѣровавшихъ въ благія послѣдствія своего сближенія, — если и лгавшихъ, то лгавшихъ съ вѣрой въ свои слова.

Здѣсь-то увидалъ я впервые Василя Степановича. Онъ былъ въ своей сферѣ. Ожидая увидѣть жолчнаго, сумрачнаго сатирика, я былъ очень удивленъ, когда увидалъ умнаго, простодушнѣйшаго, веселаго человѣка. Но познакомиться съ нимъ, хотя и представлялся удобный случай, я не рѣшился, тѣмъ болѣе, что очень хорошо сознавалъ, что не имѣя за собою никакого литературнаго прошлаго, не имѣю и права на такое знакомство, да и вообще болѣе присутствовалъ душевно при общемъ тогдашнемъ движеніи, чѣмъ принималъ въ немъ дѣятельное виѣшнее участіе.

Заговоривъ объ обѣдѣ въ Знаменской гостинницѣ, расскажу кстати еще объ одномъ «событіи», которое случилось нѣсколько позднѣе, но хорошо рисуетъ характеръ тѣхъ «давноминувшихъ дней», о которыхъ идетъ рѣчь.

Однажды въ маѣ 1859 года приходитъ ко мнѣ тотъ-же пріятель мой, который ввелъ меня на обѣдъ въ Знаменской гостинницѣ, и говоритъ, что нужно принять дѣятельное участіе въ оваціи по поводу отъѣзда заграницу одного официальнаго лица, имя котораго тѣсно было связано съ судьбою либеральнаго въ то время «Русскаго Вѣстника». Раз-

сказывали, что г. К. (имя этого лица) получил по службѣ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, 77 замѣчаній отъ своего начальства и подалъ въ отставку. Я, конечно, вполне одобрилъ такое рѣшеніе, и, полагаясь на мудрость своего пріятеля, отдалъ себя въ его распоряженіе. Дня черезъ два онъ впопыхахъ прибѣгаетъ ко мнѣ:

— Скорѣй, скорѣй, все готово!...

Мы бросились въ гостиницу — Клея, кажется. Тамъ уже было человекъ 20 молодежи — студентовъ, художниковъ, литераторовъ. Кто-то сказалъ, что насъ «переписываютъ», кто-то обругался, кто-то крикнулъ «пора», кто-то первый вышелъ, кто-то приготовилъ у подвѣзда 5—6 извозничьихъ колясокъ, кто-то скомандовалъ — къ «Красному Кабачку», кто-то уже приготовилъ въ «Красномъ Кабачкѣ» приличное количество шампанскаго и закусокъ. Всего страннѣе то, что кажется никто хорошенько не зналъ — какъ, для чего, кѣмъ все это устраивалось.

Не смотря на то, что я достаточно настроилъ себя на «политическіе» мотивы, мнѣ становилось однако что-то очень скучно, такъ какъ никого, кромѣ моего пріятеля, въ этомъ обществѣ у меня знакомыхъ не было, а пріятель мой суетился и бѣгалъ, закидывая по словечку всѣмъ и не разговаривая ни съ кѣмъ. Единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ было сознаніе, что я нахожусь въ передовомъ кружкѣ и даже, быть можетъ, могу «пострадать».

Погода была ясная, холодноватая. Болѣе благоразумные изъ насъ прогоняли томленіе ожиданія возліянiami у буфета. Къ такому времяпровожденію я не былъ расположенъ, но проголодавшись съѣлъ какой-то бутербротъ и собирался заплатить за него деньги... Но за буфетомъ отъ денегъ положительно отказались. Когда я сталъ заявлять свое недоумѣніе, мнѣ было объявлено, что весь расходъ будетъ предъявленъ послѣ, для уплаты въ равной мѣрѣ всѣми участниками.

Наконецъ часа черезъ три-четыре ожиданія кто-то вбѣжалъ съ террасы въ залъ:

— Ыдутъ, ѣдутъ!...

Всѣ бросились вонъ.

Вдали, по шоссе, плавно катился почтовый дилижансъ и слышался рожокъ кондуктора. Карета съ глухимъ шумомъ подкатилась на своихъ внушительныхъ лежачихъ рессорахъ къ ресторану. Но едва она поровнялась съ нимъ, какъ была остановлена криками всей толпы: «стой, стой!»

Изъ экипажа вышелъ человекъ лѣтъ сорока, очень симпатичной наружности и очевидно сильно удивленный. Посыпались рѣчи со стороны остановившихъ карету, и г. К., вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его семействомъ, былъ положительно втащенъ въ залъ ресторана. Здѣсь, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, говорилось нѣсколькими голосами разомъ о сочувствіи общества г. К., и даже г-жа К. должна была выдержать нѣсколько «политическихъ» лобызаній... Наконецъ, отговариваясь тѣмъ, что ѣдетъ не въ собственномъ экипажѣ, г. К. съѣлъ въ карету и поѣхалъ, напутствуемый громкими возгласами.

Тѣже коляски подвезли насъ къ Клею, отъ подвѣзда котораго всѣ разошлись куда кому слѣдовало.

Потомъ узналъ я, что распорядителемъ всей оваціи былъ племянникъ г. К. — ва, оглашавшаго тогда всю Россію своими статьями и проэктами. Вопросъ о бутербродахъ и косякѣ такъ и остался неразрѣшеннымъ: положительно никто мнѣ его разрѣшить не брался.

Не знаю, какъ помпнаютъ проводы г-на К. остальные его участники; но я вспоминаю о нихъ любовно, несмотря на нѣкоторый юный комизмъ ихъ.

Возвращаюсь къ Курочкину.

Написавъ одинъ «животренещущій» очеркъ («Пзъ записокъ офицера»), я снесъ его съ замираніемъ сердца на уголь

Итальянской и Эртелева переулка, гдѣ тогда жилъ Василій Степановичъ, но Василія Степановича я однако дома не засталъ и отправивъ ему очеркъ по городской почтѣ, въ первый разъ въ жизни сталъ думать о томъ, что почтамыть можетъ быть неисправенъ....

Лѣтомъ 1859 года, живя на вакаціи въ Нижнемъ, я увидалъ свой очеркъ напечатаннымъ въ «Искрѣ».... Нынѣшнее молодое поколѣніе не такъ чувствительно къ писательству; но мы, начинавшіе жить въ концѣ пятидесятихъ годовъ, дѣлали изъ литературы предметъ чуть-ли не благоговѣйнаго культа, и потому можно себѣ представить мой восторгъ при видѣ своего произведенія въ печати, да еще въ такомъ представителѣ ея, какимъ была тогда «Искра».

Къ осени того же года я состряпалъ еще два очерка и уже рѣшился непременно лично познакомиться съ Василіемъ Степановичемъ. Несмотря на нѣкоторые шансы для такого знакомства, въ виду уже напечатанной статейки, я однако все-таки съ большимъ страхомъ вошелъ въ кабинетъ редактора «Искры».

Василій Степановичъ меня положительно очаровалъ и такъ меня обласкалъ, что я даже почувствовалъ себя *чѣмъ-то*, особенно когда онъ сказалъ, что у меня есть «тургеневская» способность (передъ Тургеневымъ тогда даже г. Катковъ благоговѣлъ) двумя-тремя словами рѣзко очертить личность, — что, однако, прибавилъ онъ, не значить еще, что я могу быть Тургеневымъ, хотя могу сдѣлаться современемъ не совсемъ дюжиннымъ беллетристомъ-сатирикомъ... Не считаю теперь нескромнымъ разглашать о себѣ слова Василія Степановича, потому что вошелъ въ инныя рамки своей авторской дѣятельности и во всякомъ случаѣ давно уже пересталъ мечтать о беллетристической славѣ; одобреніе Василія Степановича я себѣ просто объясняю его увлекавшимся характеромъ и искреннимъ, сердечнымъ отношеніемъ къ начинающему литераторству. Не вина Василія Степановича, что когда онъ мнѣ, какъ сейчасъ скажу, задалъ работу, требовавшую не одного «таланта», я спасовалъ передъ ней... Василій Степановичъ дошелъ до такого вниманія ко мнѣ, что даже прочиталъ мнѣ начало своей поэмы, написанной въ средневѣковомъ стилѣ по поводу извѣстной «исторіи» покойнаго П. И. Якушкина съ псковскимъ полицмейстеромъ. Поэма однако не могла быть напечатана и кажется осталась неконченною.

Подъ вліяніемъ симпатіи ко мнѣ Василія Степановича и конечно подъ вліяніемъ щекотанія авторскаго самолюбія, я чуть не кинулся обнимать и цѣловать Василія Степановича, и выйдя отъ него, прямо прошолъ къ Юнкеру, гдѣ купилъ себѣ касторовую шляпу, стоившую 8 рублей, такую, какую носили тогда чуть не всѣ литераторы и художники, предметъ завѣтнѣйшихъ желаній, которыя наконецъ могли осуществиться, потому что, во-первыхъ, я передъ тѣмъ только-что перешолъ изъ студентовъ университета въ вольные слушатели и слѣдовательно могъ ходить въ шляпѣ, во-вторыхъ, получилъ отъ Василія Степановича свой первый гонораръ, а въ-третьихъ слѣдовательно имѣлъ полное право на касторовую шляпу, какъ писатель.

Недолго однако продолжалось мое нахожденіе въ эмпирияхъ: недостатокъ жизненныхъ знаній былъ причиной отсутствія пищи для писательства; я силился выдумывать что нибудь, но ничего путнаго не выходило, а заданная мнѣ вскорѣ Василіемъ Степановичемъ задача вести политическую хронику «Искры», на манеръ хроники «Charivari», неудалась. Къ тому же мнѣ все хотѣлось изобразить что-то такое, что удивило бы чуть не весь міръ...

Въ декабрѣ 1859 года я уѣхалъ изъ Петербурга и поступилъ въ студенты казанскаго университета. Съ тѣхъ поръ я видѣлся съ Василіемъ Степановичемъ всего только два раза: осенью 1865 и весной 1870 года. Но уже времена были

не тѣ: Василій Степановичъ надалъ духомъ и говорилъ, что «ничего писать нельзя, никого, кромѣ городскихъ да Андрея Александровича задѣвать не полагается...»

А. Гацискій.

Правомѣрное государство.

Сборникъ Государственныхъ Знаній, изд. подъ редакціей В. П. Безобразова, при ближайшемъ содѣйствіи профессоровъ с-петербургскаго университета: свящ. М. И. Горчакова, А. Д. Градовскаго, Ф. Ф. Мартенса, В. И. Сергѣевича, Ю. Э. Янсона и профессора академіи генеральнаго штаба Г. А. Леера. Томы I и II. Спб. 1874 — 75 гг. Ц. перваго тома 3 руб., втораго 5 р.

Мы живемъ въ одной изъ замѣчательныхъ эпохъ преобразованія русской государственной жизни,—мы переходимъ изъ стараго, полуварварскаго и произвольнаго порядка въ порядокъ новый, свободный отъ рабства и упрочивающійся на силѣ закона; у насъ положены уже основы главнѣйшихъ принциповъ современнаго государственнаго устройства: свободы личности, законности и самоуправленія; наконецъ намъ обѣщана реформа церковнаго суда, въ которой будетъ примѣненъ принципъ отдѣленія церковныхъ дѣлъ отъ государственныхъ. Всѣ эти факты показываютъ, что русское государство стремится занять высокое мѣсто въ ряду другихъ современныхъ государствъ, не только по своему естественному могуществу, но и въ искусствѣ народнаго управленія. Мы приобретаемъ такимъ образомъ многія важныя учрежденія, которыми справедливо хвалилась западная Европа, но пользуемся у себя по своему, согласно съ нашими правами и условіями нашей страны. Чтобы усвоить и упрочить у насъ все лучшее и здоровое, что есть въ Европѣ, намъ необходимо вооружиться современною наукою о государственной жизни Европы и согласовать ея выводы съ собственнымъ нашимъ опытомъ. Кромѣ европейской науки, мы должны знать и наши собственные обстоятельства: всѣ стороны нашего общественнаго и государственнаго строя и всѣ отрасли нашей общественной и государственной дѣятельности. Поэтому, чтобы дѣло государственнаго совершенствованія шло лучше и быстрѣе, весьма важно, чтобы литература и всѣ другія орудія просвѣщенія обратили свое вниманіе какъ на самое научное достоинство государственныхъ вопросовъ, такъ и на возможно большее распространеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ образованной части общества. Вообще говоря, въ нашемъ обществѣ государственныя знанія распространены очень скудно. О «политикѣ», о «конституціяхъ» много говорятъ въ нашихъ газетахъ, но отъ этого толку мало. Въ журналахъ нашихъ (а ихъ всего *четыре!*) еще попадаются изрѣдка хорошія статьи о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ нашей государственной и общественной жизни, но онѣ попадаются весьма рѣдко.

«Сборникъ Государственныхъ Знаній» своими двумя томами представляютъ въ этомъ отношеніи отрадное явленіе, такъ какъ въ немъ есть очень хорошія статьи по разнымъ отраслямъ государственныхъ знаній, дѣльная критика важнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ сочиненій о государственныхъ вопросахъ и довольно подробно и хорошо составленное обзорнѣе движенія нашего законодательства и государственнаго управленія за обѣ половины 1874 года.

По своему направленію и характеру, главныя руководящія статьи «Сборника» отличаются основательностью знаній, хорошимъ, хотя нѣсколько сухимъ изложеніемъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ разбираемымъ вопросамъ. Государственный идеалъ авторовъ—царство личной свободы и равноправности въ такъ-называемомъ *Rechtsstaat* — *государствѣ права* или *правомѣрномъ государствѣ* въ высшемъ его развитіи. Объ европейскомъ социальномъ вопросѣ сами издатели «Сборника» ничего не говорятъ. По одной статьѣ, ничтожной, впрочемъ, и переведенной съ нѣ-